

The book cover features a man with long dark hair and a young girl in a dark, ornate library. The man is writing glowing blue runes on a stone tablet with a quill. The background shows a large window with a view of snowy mountains and a spiral staircase. The title is in large, stylized silver letters at the top, and the author's name is at the bottom.

БУКВАРЬ С КРОВЬЮ ДРАКОНА

ДЕНИС АЛЕКСЕЕВ

Денис Алексеев

Букварь с кровью дракона

<https://litres.ru/74639644>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семилетняя Элеонора попадает в Молчаливую Башню к суровому архимагу Валериану. Вместо сказочных чудес её ждут азы быта, строгая дисциплина и магия как точная наука.

От выжигания рун на коре до расчетов эфирных потоков — каждый шаг дается ценой ошибок и боли. Разбитые реторты и шрамы становятся уроками, а исцеление раненой совы открывает истинную суть силы.

Это история о том, как страх превращается в мастерство, а одиночество — в дом. Магия здесь не волшебство, а язык вселенной, который Эля учится понимать, чтобы однажды заговорить на нем сама.

Содержание

Глава 1. Порог из холодного камня	4
Глава 2. Свод правил Молчаливой Башни	13
Глава 3. Букварь с кровью дракона	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Денис Алексеев

Букварь с кровью дракона

Глава 1. Порог из холодного камня

Зима в этом году выдалась особенно суровой, такой, какая бывает лишь раз в десятилетие, когда мороз не просто кусает за щеки, а проникает под кожу, в кости, в самую суть вещей, превращая воздух в хрупкое стекло, которое звенит при каждом вдохе. Снег лежал толстым, нетронутым слоем, скрывая под собой грязь и убожество окраин столицы, и лишь узкая тропа, протоптанная чьими-то тяжелыми сапогами, вела к массивным железным воротам государственного приюта номер семь, здания мрачного, сложенного из серого гранита, который за полвека успел впитать в себя столько детского плача, что камни, казалось, навсегда остались холодными, несмотря на любые попытки их согреть. Валериан Тэн остановился перед этими воротами, поправляя манжеты своего длинного черного пальто, сшитого из ткани, которая не существовала ни в одном магазине империи, а была соткана из теней и звездной пыли его собственными руками, и на мгновение прикрыл глаза, позволяя своему внутреннему зрению скользнуть по эфирному полю этого места. То, что он увидел, заставило его поморщиться: аура здания была гу-

стой, вязкой, пропитанной страхом, безысходностью и той особой, липкой тоской, которая остается после того, как ребенок перестает верить в чудо и начинает верить только в то, что завтра будет так же плохо, как сегодня. Он вздохнул, и этот вздох был похож на шелест сухих листьев, и шагнул вперед, не касаясь земли ногами, а словно плывя над ней, оставляя за собой легкий шлейф озона и старой бумаги.

Директор приюта, господин Клячин, человек маленький, суетливый, с лицом, напоминающим помятый пергамент, выбежал навстречу, едва завидев фигуру мага, и начал бормотать извинения, оправдания и приветствия, смешивая их в одну неразборчивую кашу, от которой у Валериана заболела голова. Маг молча поднял руку в черной перчатке, усеянной серебряными кольцами-фокусировками, и директор мгновенно замолк, поняв, что любое лишнее слово может стоить ему должности, а то и жизни, ибо слухи о temperaments Архимага Тэна ходили по городу такие, что даже самые смелые чиновники предпочитали обходить его Башню стороной. Они прошли через гулкие коридоры, пахнущие вареной капустой, сыростью и дешевым мылом, мимо дверей, за которыми слышался шум десятков детей, крики, плач, смех, но смех этот был каким-то надсадным, искусственным, словно дети пытались доказать самим себе, что они еще способны радоваться, хотя глаза их оставались пустыми и взрослыми. Валериан шел медленно, внимательно разглядывая трещины на стенах, пятна на потолке, ско-

лы на подоконниках, фиксируя каждую деталь, каждую мелочь, которая могла рассказать ему больше, чем любые отчеты и досье, которые ему прислали из Министерства Магии. Он искал не просто одаренного ребенка, он искал особый тип мышления, редчайшую конфигурацию эфирных каналов, которая встречалась раз в столетие, и которую он, потратив последние двадцать лет своей жизни на поиски, наконец-то обнаружил здесь, в этом забытом богом и людьми углу империи.

Они вошли в общий зал, огромное помещение с высокими окнами, занавешенными грязными шторами, где за длинными деревянными столами сидели дети разного возраста, от малышей, еще не умеющих говорить, до подростков, уже научившихся ненавидеть весь мир. Воздух здесь был густым от запаха пота, пищи и того особого запаха, который исходит от людей, долго живущих в замкнутом пространстве без любви. Валериан прошелся вдоль столов, его взгляд, холодный и пронзительный, как лезвие бритвы, скользил по лицам детей, отмечая для себя тех, кто смотрел прямо, тех, кто опускал глаза, тех, кто пытался улыбнуться, чтобы понравиться, и тех, кто уже ничему не верил. И вдруг его взгляд остановился. В самом дальнем углу зала, у стены, покрытой облупившейся краской, сидела девочка лет семи, маленькая, худенькая, с большими серыми глазами, которые казались слишком большими для ее маленького лица. Она не играла с другими детьми, не разговаривала, не пыталась привлечь

к себе внимание, она просто сидела, прижав к груди потертую тряпичную куклу, у которой не хватало одной руки и одного глаза, и молча разглядывала трещину в потолке, которая шла от угла к центру комнаты, словно карта какого-то неизвестного мира. В том, как она сидела, в том, как держала спину, в том, как ее пальцы перебирали ткань куклы, было что-то такое, что заставило Валериана замереть. Это была не просто замкнутость, это была концентрация, глубокое, почти медитативное погружение в себя, в свой внутренний мир, который был для нее важнее и реальнее, чем этот шумный, враждебный зал.

Маг подошел ближе, и дети вокруг затихли, почувствовав исходящую от него ауру силы, холодной, абсолютной, не терпящей возражений. Девочка не подняла глаз, не вздрогнула, не попыталась спрятаться, она продолжала смотреть на трещину, словно та была единственным стабильным объектом в этом хаотичном мире. Валериан опустился на корточки, оказавшись с ней на одном уровне, и провел рукой в перчатке над её виском, совершая короткий диагностический пасс. Эфирные нити, невидимые для обычного глаза, вспыхнули перед его внутренним зрением ярким, чистым светом, переплетаясь в сложнейшую спираль, математически выверенную, идеальную, такую, какую он видел лишь в древних трактатах, написанных тысячу лет назад великими архимагами прошлого. Его зрачки расширились, сердце пропустило удар, и он понял, что нашел то, что искал всю свою жизнь. Но

вместо радости он почувствовал тяжесть, ответственность, понимание того, что эта девочка, эта хрупкая, испуганная малышка, теперь станет частью его жизни, его работы, его судьбы, и что он должен будет сделать всё, чтобы защитить её, обучить её, сделать из неё не просто мага, а личность, способную нести бремя знания.

«Как тебя зовут?» — спросил он тихо, и его голос, обычно резкий и повелительный, сейчас звучал мягко, почти нежно, словно он боялся спугнуть птицу, сидящую на руке. Девочка медленно повернула голову, и её серые глаза встретились с его темными, глубокими глазами, в которых отражались звезды и бесконечность. «Элеонора», — прошептала она, и этот шепот был таким тихим, что Валериану пришлось на-прячь слух, чтобы расслышать его. «Эля», — добавила она, и в этом добавлении было что-то детское, робкое, словно она предлагала ему более удобный, более простой вариант, который легче произнести, легче запомнить. Валериан кивнул, и в этом кивке было согласие, принятие, начало чего-то нового. Он протянул ей руку, ту самую руку в черной перчатке с серебряными кольцами, которая могла разрушить город или исцелить смертельную болезнь, и сказал: «Идём. Тебе больше нечего тут делать».

Эля посмотрела на его руку, потом на директора, который стоял рядом, бледный, дрожащий, ожидая приказа, потом снова на мага, и в её глазах мелькнуло сомнение, страх, но также и что-то другое, что-то, что можно было бы назвать

надеждой, если бы она знала, что это такое. Она медленно, осторожно протянула свою маленькую, холодную руку и взялась за его пальцы. И в этот момент произошло нечто удивительное: рука Валериана, всегда холодная, всегда отстраненная, вдруг стала теплой, сухой, надежной, и Эля впервые в жизни почувствовала, что чья-то рука может быть не инструментом наказания, не способом удержать, чтобы ударить, а опорой, защитой, обещанием. Она встала, не выпуская его руки, и оглянулась на зал, на детей, которые смотрели на неё с завистью, со страхом, с непониманием, и на куклу, которую она оставила на столе. На мгновение ей захотелось вернуться, забрать куклу, остаться в привычном, хоть и страшном мире, но затем она посмотрела на Валериана, на его спокойное, уверенное лицо, и поняла, что назад пути нет. Она сделала шаг, затем другой, и они пошли к выходу, прочь из этого места, прочь из прошлого, в неизвестное будущее, которое пугало её, но которое манило своей возможностью стать кем-то другим, стать той, кем она всегда мечтала быть, но боялась даже подумать об этом.

За воротами их ждала карета, необычная, черная, без гербов и опознавательных знаков, запряженная двумя лошадьми, шерсть которых отливала серебром в лунном свете. Кучер, высокий, молчаливый мужчина в капюшоне, скрывающем лицо, открыл дверцу, и Валериан помог Эле забраться внутрь. Внутри кареты было тепло, пахло кожей, старыми книгами и какими-то травами, успокаивающими нервы.

Эля села на мягкое сиденье, прижалась к стене, и смотрела в окно, пока карета тронулась с места, увозя её всё дальше и дальше от приюта, от серых стен, от холодных кроватей, от голода и страха. Она не плакала, не задавала вопросов, она просто смотрела, запоминая каждый дом, каждое дерево, каждого прохожего, словно боялась, что это всё исчезнет, растворится в тумане, как сон. Валериан сидел напротив, наблюдая за ней, делая мысленные пометки, анализируя её реакцию, её поведение, её эмоции. Он видел, как она напряжена, как она ждет подвоха, как она готова в любой момент вскочить и убежать, если что-то пойдет не так. И он понимал, что предстоит долгая, трудная работа, что нужно будет не просто обучить её магии, но и научить её доверять, любить, жить, быть человеком, а не просто выжившим.

Карета ехала по заснеженным улицам столицы, мимо освещенных окон, мимо празднично украшенных витрин, мимо людей, спешащих по своим делам, смеющихся, ругающихся, живущих своей обычной, понятной жизнью. Эля смотрела на этот мир, который она видела лишь из окна приюта, и чувствовала себя чужой в нем, пришельцем из другого измерения, который не знает правил, не понимает законов, не умеет играть в эту игру. Но рядом с ней сидел Валериан, и его присутствие, его спокойствие, его уверенность давали ей ощущение безопасности, которого она никогда раньше не испытывала. Она рискнула посмотреть на него, и увидела, что он тоже смотрит на неё, и в его взгляде не было осуж-

дения, не было жалости, не было высокомерия, было лишь внимание, интерес, уважение к её личности, к её праву быть собой, какой бы она ни была. И в этот момент, в этой движущейся карете, среди зимней ночи, Эля впервые за много лет почувствовала, что она не одна, что есть кто-то, кто видит её, кто принимает её, кто готов идти с ней рядом, куда бы ни привела их дорога.

«Мы приехали», — сказал Валериан, когда карета остановилась перед высоким, темным зданием, которое возвышалось над городом, словно черный палец, указывающий на небо. Это была Молчаливая Башня, дом Валериана Тэна, место, где хранились знания тысячелетий, где проводились эксперименты, меняющие ход истории, где жили маги, избравшие путь одиночества ради истины. Эля вышла из кареты, и холодный воздух ударил ей в лицо, но она не дрогнула, она посмотрела вверх, на башню, на её высокие окна, из которых пробивался теплый свет, и почувствовала странное чувство, смесь страха и предвкушения, боли и надежды. Валериан взял её за руку, и они пошли к входной двери, массивной, дубовой, украшенной резьбой, изображающей руны, символы, знаки, которые Эля еще не умела читать, но которые уже начинали говорить с ней на каком-то глубоком, подсознательном уровне. Дверь открылась сама, без прикосновения, и перед ними открылся холл, огромный, высокий, с мраморным полом, с колоннами, уходящими в темноту потолка, с лестницей, ведущей вверх, в неизвестность.

«Добро пожаловать домой, Элеонора», — сказал Валериан, и его голос эхом отразился от стен, создавая ощущение величия, значимости этого момента. Эля шагнула через порог, и дверь закрылась за её спиной, отрезая её от прошлого, от мира, который она знала, от жизни, которая была ей навязана. Теперь перед ней открывался новый путь, полный трудностей, опасностей, открытий, но также и возможностей, свободы, смысла. Она посмотрела на Валериана, на его строгое, но доброе лицо, и впервые за долгое время улыбнулась, слабо, неуверенно, но искренне. И в этой улыбке было всё: благодарность, надежда, решимость, любовь. Валериан ответил ей улыбкой, едва заметной, уголком рта, но Эля увидела её, поняла, и в её сердце зажглась искра, которая со временем разгорится в пламя, способное осветить весь мир. Они поднялись по лестнице, их шаги эхом отдавались в тишине Башни, и каждый шаг был шагом в новую жизнь, в новую судьбу, в новое я, которое еще только предстояло открыть, понять, принять. И хотя они еще не знали, что ждет их впереди, какие испытания, какие потери, какие победы, они знали одно: они идут вместе, и этого достаточно, чтобы справиться с любыми бурями, которые приготовила для них судьба.

Глава 2. Свод правил Молчаливой Башни

Первая ночь в Башне оказалась для Элеоноры не сном, а долгим, напряженным бодрствованием, во время которого она лежала на краю огромной кровати с балдахином из темно-синего бархата, тяжелого и плотного, словно ночное небо, и слушала, как гудят стены. Это был не тот гул, к которому она привыкла в приюте — скрип половиц, кашель соседей по палате, вой ветра в щелях оконных рам, — это был низкий, вибрирующий звук, идущий из самой глубины камня, из корней здания, уходящих далеко под землю, туда, где текли подземные реки и спали древние магические артефакты. Эля подтянула колени к груди, обхватила их руками и замерла, превратившись в маленький комочек тревоги и ожидания, потому что за семь лет жизни она научилась одному важному правилу: тишина всегда предшествует беде, а любой новый звук может оказаться сигналом опасности. Она смотрела в темноту комнаты, пытаясь разглядеть очертания мебели, шкафов, стола, но тени были густыми, непроницаемыми, и лишь слабый свет луны, пробивающийся сквозь высокие узкие окна, освещал пыль, танцующую в воздухе, делая её похожей на серебристый туман. Ей хотелось заплакать, захотелось обратно в приют, где всё было по-

нятно, предсказуемо, где она знала, кто ударит, кто отберет еду, кто будет смеяться, а здесь, в этой огромной, холодной Башне, правила были другими, неизвестными, и эта неизвестность пугала её больше, чем любая боль.

Утро наступило внезапно, без перехода, без рассвета, просто темнота сменилась серым, холодным светом, который залил комнату, сделав тени менее страшными, но более четкими. Эля вскочила с кровати, чувствуя, как дрожат её ноги, и огляделась вокруг. Комната была большой, просторной, с высоким потолком, украшенным росписью, изображающей созвездия и планеты, которые медленно вращались, следуя за движением небесных тел за окном. В углу стоял массивный дубовый стол, заваленный книгами, свитками, инструментами, которые Эля еще не умела называть, а вдоль стен тянулись полки, уходящие ввысь, заполненные фолиантами в кожаных переплетах, стеклянными колбами с жидкостями разных цветов, засушенными травами, связанными в пучки, и странными предметами, назначение которых было непонятно. Дверь открылась бесшумно, и на пороге появился Валериан Тэн, одетый в свой обычный черный халат, поверх которого был наброшен серый плащ, и в руках он держал книгу, толстую, тяжелую, в медных застежках, которая выглядела так, будто её весил не меньше десяти килограммов. Он вошел в комнату, поставил книгу на стол, и его взгляд, холодный, оценивающий, скользнул по Эле, отмечая её растрепанные волосы, синяки под глазами, дрожь в руках.

«Доброе утро, Элеонора», — сказал он спокойно, без эмоций, и этот тон был таким же ровным, как поверхность зеркала, не допускающим ни радости, ни раздражения, ни жалости. «Садись. Сегодня мы начнем с основ». Эля подошла к столу, села на жесткий деревянный стул, который оказался слишком большим для неё, и посмотрела на книгу, лежащую перед ней. Валериан открыл её, и страницы зашуршали, издавая звук сухой листвы, и на первой странице крупными, четкими буквами было написано: «Свод правил Молчаливой Башни». Под заголовком шел список пунктов, пронумерованных от одного до сорока семи, каждый из которых был написан лаконично, сухо, без лишних слов, как инструкция к сложному механизму или рецепт яда. Эля начала читать, спотыкаясь на сложных словах, повторяя про себя каждую букву, каждый слог, стараясь понять смысл написанного, потому что она знала: незнание правил в этом месте может стоить ей жизни, или, что хуже, возвращения в приют.

«Пункт первый, — прочитала она тихо, — не входить в лабораторию без разрешения Архимага Тэна». Она подняла глаза на наставника, ожидая объяснения, почему нельзя входить, что там такого опасного, но Валериан лишь кивнул, давая знак продолжать. «Пункт второй: никогда не касаться зеленого пламени левой рукой». Эля поморщилась, представляя себе зеленое пламя, и спросила: «А почему именно левой?». Валериан посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, словно он ожидал

этого вопроса. «Потому что левая рука отвечает за прием эфирной энергии, а правая — за её отдачу, — объяснил он терпеливо, — и если ты коснешься источника энергии принимающей рукой, то получишь ожог не кожи, а души, который не лечится никакими мазями». Эля кивнула, запоминая эту информацию, записывая её в свою голову, как в тетрадь, потому что она поняла: здесь каждое слово имеет вес, каждое правило основано на законе, который нельзя нарушать.

Она продолжала читать, пункт за пунктом, погружаясь в мир ограничений, запретов, предостережений, которые формировали каркас безопасности этой Башни. «Пункт пятый: не оставлять открытыми банки с реактивами дольше трех минут». «Пункт двенадцатый: перед сном проверять целостность защитных рун на окнах». «Пункт двадцать третий: не кормить теней, обитающих в подвале, они не домашние животные». Эля читала внимательно, вдумчиво, стараясь представить себе каждую ситуацию, каждый риск, каждое последствие нарушения правила. Она понимала, что эти правила написаны не для того, чтобы ограничить её свободу, а для того, чтобы сохранить её жизнь, здоровье, разум, потому что магия — это не игра, не развлечение, а сила, способная уничтожить всё, если с ней обращаться небрежно. Когда она дочитала до последнего пункта, «Пункт сорок седьмой: задавать вопросы, если не понимаешь, ибо незнание опаснее ошибки», она подняла глаза на Валериана и увидела, что он наблюдает за ней с интересом, анализируя её реакцию, её

способность усваивать информацию, её отношение к дисциплине.

«Ты запомнила?», — спросил он, и в его голосе не было угрозы, был лишь вопрос, требующий честного ответа. Эля кивнула, хотя знала, что запомнила не всё, что некоторые пункты требуют повторения, осмысления, практики, но она не хотела показаться слабой, некомпетентной, поэтому солгала, впервые за долгое время, и эта ложь горьким комком застряла у неё в горле. Валериан, казалось, понял её ложь, увидел её страх, её желание понравиться, но не стал исправлять её, не стал стыдить, он лишь сказал: «Хорошо. Теперь пойдем в лабораторию. Ты будешь мыть полы». Эля удивленно посмотрела на него, ожидая увидеть шутку, насмешку, но лицо мага оставалось серьезным, непроницаемым. «Мыть полы?», — переспросила она, не веря своим ушам. «Да, — подтвердил он, — потому что пыль в лаборатории смертельно опасна. Она содержит частицы реагентов, остатки эфирных соединений, споры магических грибов, и если ты не умеешь убирать грязь, ты не сможешь работать с чистотой».

Они спустились в лабораторию, огромное помещение с каменным полом, высокими потолками, стенами, увешанными инструментами, полками с книгами, столами, заваленными оборудованием. Воздух здесь был густым, тяжелым, пахло озоном, серой, сушеными травами, чем-то сладковатым и одновременно едким, от чего першило в горле. Валериан указал на ведро с водой, тряпку, щетку, и сказал: «Начинай.

И помни: вода должна быть холодной, потому что горячая активирует остаточные реакции на полу». Эля взяла ведро, почувствовала тяжесть воды, холод металла, и начала мыть пол, опуская тряпку в воду, выжимая её, протирая камень, снова и снова, пока её руки не покраснели от холода, пока колени не промокли, пока спина не начала ныть от напряжения. Она работала молча, сосредоточенно, стараясь делать всё идеально, потому что знала: любая ошибка, любое пятно, которое она пропустит, может стать причиной катастрофы. Валериан сидел за столом, писал что-то в своем журнале, изредка поднимая глаза, чтобы посмотреть на неё, оценить её технику, её внимательность, её выносливость.

Прошло два часа, прежде чем Эля закончила, и когда она встала, её ноги дрожали от усталости, руки болели, но она чувствовала странное удовлетворение, гордость за то, что справилась, что сделала всё правильно, что пол теперь блестящий, отражая свет магических кристаллов, встроенных в потолок. Валериан подошел к ней, осмотрел пол, провел пальцем по камню, проверяя наличие пыли, и кивнул: «Приемлемо. Завтра сделаем лучше». Эти слова, простые, сухие, стали для Эли лучшей похвалой, которую она когда-либо получала, потому что в них не было лести, не было преувеличения, была лишь констатация факта, признание её труда, её усилий. Она улыбнулась, слабо, неуверенно, но искренне, и в этой улыбке было всё: радость от признания, надежда на будущее, понимание того, что она на правильном пути.

Вечером, когда солнце село, и Башня погрузилась в сумерки, Эля сидела в своей комнате, перечитывая «Свод правил», стараясь запомнить каждый пункт, каждое слово, каждое значение. Она понимала, что эти правила — не просто ограничения, это ключи к пониманию магии, к безопасному взаимодействию с эфиром, к становлению настоящим магом. Она взяла перо, обмакнула его в чернила, и на отдельном листе бумаги начала переписывать правила своими словами, добавляя свои комментарии, свои вопросы, свои наблюдения. Она писала медленно, тщательно, выводя каждую букву, каждый знак, стараясь сделать почерк красивым, четким, понятным, потому что знала: порядок в записях ведет к порядку в мыслях, а порядок в мыслях — к порядку в магии. Когда она закончила, то посмотрела на исписанный лист, на свои каракули, на свои вопросы, и почувствовала, что становится немного взрослее, немного мудрее, немного сильнее.

За окном началась метель, снег бился в стекла, ветер выл, пытаясь проникнуть внутрь, но защитные руны на окнах мерцали мягким голубым светом, отгоняя холод, создавая уют, безопасность. Эля легла в кровать, закрыла глаза, и впервые за много лет заснула спокойно, без кошмаров, без страха, потому что знала: завтра будет новый день, новые уроки, новые правила, но она будет готова, потому что у неё есть цель, есть наставник, есть место, которое становится домом. И в этом сне, тихом, глубоком, ей приснилась Башня, не как тюрьма, не как крепость, а как живое существо, дыша-

щее, думающее, защищающее тех, кто живет в её стенах, кто уважает её законы, кто ценит её тайны. И когда она проснулась утром, то почувствовала, что что-то изменилось внутри неё, что-то важное, фундаментальное, что дало ей силу, уверенность, надежду. Она встала, оделась, и пошла в лабораторию, готовая к новому дню, к новым испытаниям, к новой главе своей жизни, которая только начиналась, но уже обещала быть интересной, сложной, значимой.

Глава 3. Букварь с кровью дракона

Утро третьего дня в Молчаливой Башне началось не со звона колоколов, которых здесь не было, и не с криков надзирателей, к которым Элеонора привыкла за семь лет своей жизни, а с тишины, такой густой и осязаемой, что она казалась физическим препятствием, сквозь которое нужно было прорываться, чтобы сделать первый вдох. Эля проснулась до рассвета, её тело всё ещё помнило вчерашнюю усталость от мытья полов, но разум уже работал, лихорадочно перебирая в памяти пункты «Свода правил», словно молитву, способную отогнать беду. Она села на кровати, чувствуя, как холодный воздух щиплет кожу, и посмотрела на свои руки — маленькие, с обветренными костяшками, с ногтями, которые она вчера старательно вычистила щеткой, следуя пункту двенадцатому о гигиене как основе безопасности. Эти руки, которые раньше знали только тяжесть ведра с грязной водой или боль от пощечины, теперь должны были научиться держать перо, нож, резец, инструменты магии, и эта мысль пугала её больше, чем любая темнота уютского коридора.

Дверь в её комнату открылась без стука, и на пороге возник Валериан Тэн. Он выглядел так же безупречно, как и всегда: черный халат, идеально отглаженный, серебряные кольца-фокусировки на пальцах левой руки тускло поблескивали в полумраке, а в правой он держал небольшой, но

увесистый предмет, завернутый в темно-зеленую ткань. Маг вошел в комнату, его шаги были бесшумными, словно он ступал по облакам, а не по каменному полу, и поставил сверток на стол рядом с её кроватью. Эля мгновенно вскочила, выпрямилась, прижав руки к швам ночной рубашки, ожидая приказа. Но Валериан лишь кивнул, указывая на сверток, и произнес своим ровным, лишенным эмоций голосом: «Распакуй. Сегодня мы начинаем изучать алфавит».

Эля подошла к столу, её пальцы дрожали от волнения, когда она развязывала узел ткани. Под ней оказался не обычный букварь с картинками животных и предметов, к которым она иногда тайком подглядывала в библиотеке приюта, а странная, тяжелая доска из темного дерева, покрытая слоем какого-то маслянистого вещества, и рядом лежал нож. Нож был необычным: лезвие из черного металла, рукоять из кости, украшенная тонкой резьбой в виде спиралей, которые, если присмотреться, казались движущимися, перетекающими одна в другую. Эля подняла глаза на наставника, вопросительно изогнув бровь, но Валериан уже сидел в кресле у окна, наблюдая за ней с тем самым внимательным, анализирующим взглядом, который заставлял её чувствовать себя прозрачной.

«Это не бумага, Элеонора, — начал он объяснение, не дожидаясь вопроса. — Бумага слишком хрупка для первых уроков рунной грамоты. Она прощает небрежность, позволяет стереть ошибку, забыть её. Но магия не прощает оши-

бок. Магия запоминает каждое движение, каждое намерение, каждую дрожь руки. Поэтому ты будешь учиться писать на коре железного дуба, пропитанной консервирующим составом. А писать ты будешь этим резцом». Он кивнул на нож. «Каждая буква, которую ты вырежешь, должна быть идеальной. Глубина реза — ровно два миллиметра. Ширина линии — один миллиметр. Угол наклона — сорок пять градусов. Если ты ошибешься, кора отреагирует. И эта реакция будет твоим первым учителем».

Эля взяла резец. Рукоять была теплой, живой, словно пульсирующей в такт её собственному сердцебиению. Она провела пальцем по лезвию, ощущая его невероятную остроту, и почувствовала страх. Не тот детский страх перед наказанием, а взрослый, экзистенциальный страх перед неизвестностью, перед силой, которая могла покалечить её, если она окажется недостаточно хороша, недостаточно внимательна, недостаточно достойна. Она посмотрела на доску из коры, на её гладкую, темную поверхность, и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить дрожь в руках. «Какую букву?», — спросила она тихо.

«Букву "А", — ответил Валериан. — Первая буква алфавита. Первая руна силы. Она обозначает начало, источник, импульс. Вырежи её».

Эля прижала резец к коре. Металл легко вошел в древесину, оставляя за собой тонкую, аккуратную борозду. Она сосредоточилась, стараясь контролировать каждое движение

мышц, каждый микромиллиметр пути лезвия. Её мир сузился до кончика резца и линии, которую она вела. Она забыла о холоде, о голоде, о прошлом, о будущем. Существовала только эта линия, этот угол, эта глубина. Она вывела первую черту, затем вторую, соединяющую их, формируя треугольник — основу буквы "А". Но в самом конце, когда она должна была сделать горизонтальную перекладину, её рука дрогнула. Всего на долю секунды, всего на миллиметр, но этого было достаточно. Лезвие соскользнуло, углубилось чуть сильнее, чем нужно, и нарушило симметрию руны.

В ту же секунду кора вспыхнула. Не огнем в обычном понимании этого слова, а ярким, ослепительным синим пламенем, которое вырвалось из самой древесины, обжигая воздух, создавая волну жара, ударившую Элю в лицо. Она вскрикнула, отбросила резец, прижала обожженную ладонь к груди, чувствуя, как кожа натягивается, краснеет, покрывается волдырями. Боль была острой, пронзительной, заставляющей слезы выступать на глазах, но она не заплакала. Она стояла, дыша часто, поверхностно, глядя на дымящуюся доску, на след своей ошибки, и ждала крика, удара, наказания. В приюте за такую порчу имущества её бы избили, оставили без ужина, заперли в темном чулане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.